НАЛЬ И ДАМАЯНТИ.

ЭПИЗОДЪ

ИЗЪ

МАГГАБАРАТЫ,

ПОЭМЫ МУДРЕЦА ВЪЯСА.

—

ПЕРЕВЕЛЪ

Игнатій Коссовичъ.

МОСКВА.

1852.

Н 238

НАЛЬ И ДАМАЯНТИ

ЭПИЗОДЪ

ИЗЪ

МАГГАБАРАТЫ,

ПОЭМЫ МУДРЕЦА ВЪЯСА.

Перевелъ съ Санскритскаго

Магистръ, Инспекторъ Владимірской Гимназіи,

Игнатій Коссовичъ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1852.

ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

U100672747

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Января 10-го дня, 1852 года.

Цензоръ Князь Львовъ.

Окончивая мой переводъ и завѣщая его потомству, я долженъ сказать нѣсколько словъ современникамъ. Трудъ мой посиленъ; говорю, трудъ, потому что переводить съ Санскритскаго во Владимірѣ на Клязьмѣ, есть трудиться. Вся заслуга моя, если она есть, состояла въ желаніи познакомить отечество мое съ геніемъ мудреца Вьяса. Впрочемъ, кто не желаетъ и себѣ добраго имени? Всѣ мы, сказалъ Цицеронъ, nitimur studio gloriae! Нѣсколько ямбовъ вмѣсто хореевъ, нѣсколько неудачныхъ выраженій, я думаю не послужатъ къ моему осужденію. А если...., что же дѣлать? Эта участь постигла не перваго меня изъ мыслящихъ и трудящихся. Нѣсколько этихъ ямбовъ, нѣсколько этихъ неудачныхъ стиховъ, если они и встрѣчаются въ моемъ переводѣ, есть слѣдствіе моей задачи — быть вѣрнымъ переводчикомъ. Мои понятія о переводчикѣ таковы, что онъ тоже самое, что живописецъ. Портретный живописецъ не имѣетъ никакого права рисовать портреты ни красивѣе, ни безобразнѣе подлинника. Кто хочетъ фантазировать, можетъ, но

только у себя, въ собственномъ своемъ домѣ, при размежовкѣ и устройствѣ собственной нивы; снимая же планы чужихъ дачъ, должно явиться ему самымъ добросовѣстнымъ землемѣромъ. Скажу, что В. А. Жуковскій и А. Ѳ. Вельтманъ не переводчики. В. А. Жуковскій въ своемъ предисловіи къ Налю и Дамаянти самъ въ этомъ сознается; А. Ѳ. Вельтманъ въ опытѣ своемъ доказалъ, что и онъ тоже никогда не былъ переводчикомъ. Я не поведу никого, покамѣстъ, на очныя ставки; скажу только, что В. А. Жуковскій въ своихъ прибавленіяхъ и измѣненіяхъ, неподражаемыхъ по совершенству, превзошелъ даже Вьяса, и если-бы пришлось мудрецу Вьясу бесѣдовать объ этомъ съ В. А. Жуковскимъ, то онъ бы непремѣнно самъ призналъ въ немъ превосходство надъ собою и относительно поэтическаго генія, и относительно творческой изобрѣтательности. Я могъ-бы это легко доказать, и — докажу, если предстанетъ необходимость. Признаваясь, что я хотѣлъ быть точнымъ переводчикомъ, очистить однако долженъ себя отъ похвалы подстрочнаго, буквальнаго переводчика; быть имъ я никогда и не думалъ. Отъ меня, я полагалъ, отечество мое имѣло право ожидать перевода вѣрнаго и точнаго въ отношеніи порядка и связи мыслей. Этому требованію я и старался единственно удовлетворить. Большая часть переводовъ изъ древнихъ поэтовъ пахнетъ лампою и школою. По моему, тотъ переводъ лучше, который читается, можетъ читаться всѣми легко и безъ скуки. Достоинство подобнаго перевода есть вѣрность

и живой, удобопонятный, по возможности, языкъ. Знаю, что въ моемъ трудѣ я не достигъ вполнѣ этого совершенства; но кажется, если бы отстранились авторитеты именъ, то критикъ долженъ былъ-бы произнести съ Гораціемъ: Non ego paucis offendar maculis. Я сдѣлалъ, что могъ; посильный мой трудъ да вызоветъ переводы болѣе совершенные не только предлагаемаго мною эпизода, но даже и всей Маггабараты: отъ этого я буду въ восторгѣ. Въ ожиданіи приступаю къ переводу дошедшихъ до насъ твореній Эсхила.

Владиміръ на Клязьмѣ.
1852 года
1-го Января.

ПѢСНЬ XIV.

Наль, въ лѣсу пустынномъ бросивъ
Дамаянти, перлъ красавицъ,
Шелъ — и въ чащѣ вдругъ увидѣлъ,
Подымалось къ небу пламя.
Это былъ огонь ужасный;
А въ огнѣ томъ, онъ услышалъ,
Чей-то голосъ раздавался:
«Приходи Наль!» Голосъ внятный
Раздавался; и вторично:
Приходи, о Пунъяслёка *),
Не страшись меня, Нэйшадга!
Наль какъ этотъ вопль услышалъ,
Въ пламя бросился, — и что же?
Тамъ, среди огня, змѣиный
Царь лежалъ [83]), въ кольце свернувшись.
Пораженный изумленьемъ,

---

*) Ср. 38.

[83]) Саяна лежащій. Въ этой строкѣ Наль увидѣлъ лежащаго змѣя; проклиная же его, Нарада говоритъ: Тиштга, стой! Тиштга; я перевелъ: лежи, сообразуясь съ предыдущимъ.

Наль стоялъ, скрестивши руки;
Трепеща же, царь змѣиный
Возопилъ: «о царь Найшадга!»
Знай то, змѣй я Каркотака,
Царь я змѣевъ; мной Нарада
Былъ обманутъ, тотъ отшельникъ,
И мудрецъ великій; онъ-то,
Разсердясь, меня проклятьемъ
Поразилъ, о царь народовъ!
«Здѣсь лежи, сказалъ, недвижимъ,
Наль пока тебя отсюда
Не избавитъ. Онъ лишь только
Отъ моихъ проклятій тяжкихъ
Разрѣшить тебя успѣетъ.»
Вотъ по этому проклятью
И лежу я здѣсь недвижимъ.
Лишь спаси меня Найшадга!
Сослужу тебѣ я службу,
Надѣлю тебя блаженствомъ,
И твоимъ пребуду другомъ.
Въ свѣтѣ нѣтъ мнѣ равныхъ змѣевъ!
Не тяжелъ я, легокъ стану,
Подними меня лишь только,
И иди!» «Сказавши это,
Царь змѣиный уменьшился
До мизинца; а Найшадга
Быстро взялъ его, и вынесъ
Вонъ изъ пламени. Царь змѣевъ,
Каркотака, очутившись

Внѣ костра, гдѣ былъ свободенъ
Воздухъ отъ огня; замѣтя,
Что на землю Царь Найшадга
Положить его намѣренъ,
Такъ сказалъ: «еще не много
Ты пройди шаговъ по счету;
Тамъ я, о могучій Налясъ!
Сослужу тебѣ и службу,
Надѣлю тебя и счастьемъ.»
Наль считать шаги лишь началъ,
Насчиталъ шаговъ лишь десять [84]),
Змѣевъ царь его ужалилъ.
Лишь почуялъ укушенье,
Потерялъ свой образъ Налясъ;
Изумился сильно, — что же?
Самъ онъ сдѣлался уродливъ,
Змѣй же принялъ видъ свой прежній.
Въ этомъ видѣ обновленномъ
Утѣшалъ онъ такъ Найшадгу:
«Я тебя ужалилъ Налясъ,
Съ тѣмъ, чтобъ видъ твой измѣнился,
Чтобъ тебя не узнавали.
Ядъ тому мой вреденъ только,
Кто твоей виновникъ скорби,
Кто злодѣй твой; ядъ мой страшно
Отравитъ того злодѣя;

---

[84]) Игра словъ: адасадъ дасаме паде, укусилъ на десятомъ шагу. Даса, значитъ: укуси и десять.

Обитать въ тебѣ онъ будетъ
Въ истязаніяхъ ужасныхъ.
Я его всѣ члены ядомъ
Пропиталъ, о царь великій!
И доколѣ не покинетъ
Тѣла твоего, дотолѣ
Будетъ жить въ немъ не на радость,
А на муки и на горе:
Кто безвиннаго обидѣлъ
Недостойно и злодѣйски,
Проклятъ будь; а то проклятье
Къ твоему спасенью служитъ.
Царь людей! не бойся вепрей,
Не робѣй передъ врагами,
Не страшись Брагмановъ мудрыхъ!
Я съ тобой! Въ твоемъ же тѣлѣ
Ядъ мой будетъ не мученьемъ,
Но виной побѣдъ; побѣды
И въ сраженьяхъ ты получишь,
Такъ ступай же царь отсюда;
Какъ придешь въ Аедгъю городъ,
Ты скажи такъ Ритупарнѣ:
«Я Вагука, я возница!»
Онъ игру постигнулъ въ кости,
Онъ науку эту знаетъ.
Ритупарна, за науку
Лошадьми искусно править,
Дастъ тебѣ въ замѣнъ науку,
Какъ играть съ успѣхомъ въ кости,

Какъ бросать ихъ безъ ошибки,
Какъ вести расчетъ разумно.
Рода Икшваку [85]) потомокъ,
Онъ твоимъ пребудетъ другомъ.
Какъ игру постигнешь въ кости,
Снова счастливъ будешь, Налясъ!
Не печалься, съединишься
И съ супругой Дамаянти,
И съ дѣтьми, и снова сядешь
На престолѣ Нишадгійцевъ.
Да, мое не ложно слово;
Я тебѣ вѣщаю правду!
Свой же образъ, царь народовъ,
Возвратить когда захочешь,
Обо мнѣ подумай только,
И надѣнь вотъ это платье.
Лишь его, о Наль, надѣнешь,
Возвратишь свой образъ прежній.»
Такъ сказалъ царь змѣевъ сильный,
И Найшадгѣ далъ два платья,
Двѣ небесныя одежды.
Давъ же, и наставивъ Наля,
Дивный змѣй тотъ Каркотака,
Царь змѣиный, съ глазъ исчезнулъ.

---

[85]) Икшваку кулядана, рожденный отъ рода Икшваку. К. К. Икшваку, куля родъ, джа рожденный. Икшваку, быть можетъ, происходитъ отъ и к ш у, сахарный тростникъ.

XV.

Какъ исчезъ змѣй Каркотака,
Шелъ Наль въ царство Ритупарны,
И вошелъ въ Аёдгью городъ
Ритупарны — Бгангасуры *).
Онъ къ царю явился прямо:
«Я Вагука, молвилъ смѣло,
Нѣтъ мнѣ равнаго на свѣтѣ
Въ управленіи конями;
Въ трудныхъ жизни приключеньяхъ,
И въ наукахъ разныхъ смѣло
Можно спрашивать Вагуку.
Лучше всѣхъ я понимаю
Пищу вкусную готовить;
Всѣ искусства въ этомъ мірѣ
Понимаю я отлично;
И, чего никто не сможетъ,
Для тебя съумѣю сдѣлать:
Ты найми меня лишь только!»
Ритупарна царь на это:
«Здравствуй, милый мой Вагука!
Поселись въ моихъ чертогахъ!
Заниматься тѣмъ лишь будешь,
Что умѣешь, и что знаешь;
И моей души услада
Быстрый бѣгъ коней ретивыхъ.

---

*) ср. 95.

Такъ займись-же этимъ дѣломъ,
Чтобъ мои летали кони.
Ты отнынѣ мой конюшій;
А получишь награжденья
Отъ меня въ годъ десять тысячъ [86]).
Мой Джеваля и Варшнея
Никогда тебя не кинутъ;
Съ ними ты играй, досугъ свой
Съ ними ты дѣли безъ скуки:
Поживи со мной, Вагука!»
Предложенье Ритупарны
Принялъ Наль, и поселился
У него, и жилъ съ Варшнеей
И Джевалей не разлучно;
А Джеваля и Варшнея,
Какъ и прочіе всѣ слуги,
Честь — почетъ ему являли.
Онъ-же жилъ тамъ, помышляя
О прекрасной Дамаянти,
И что вечеръ, каждый вечеръ
Повторялъ одно и тоже:
»Гдѣ ты голодомъ и жаждой
Удрученная витаешь?
Гдѣ усталая лежишь ты?
Иль другому отдалася,
Иль еще ты помышляешь

---

[86]) Сатанъ сатагъ, подразум. суварна, золото, извѣстное количество золота. Говорятъ же и у насъ: что стоитъ деревня? «десять тысячъ!» подразум. рублей.

О безумномъ, миломъ другѣ?»
Наль когда, что ночь, все тоже
Повторялъ, спросилъ Джеваля:
«Я хочу знать, о Вагука!
Ты о чемъ всегда горюешь?
Долговѣчный! Чья жена та,
О которой ты рыдаешь?»
Наль ему сказалъ на это:
«Сумасбродъ одинъ случился;
У него была супруга,
Что алмазъ неоцѣненный;
По какой-то онъ причинѣ
Разлучился съ ней безумный.
Разлучась же съ ней, безумецъ
Бродитъ по свѣту въ печали;
А кручина днемъ и ночью
Точитъ сердце сумасброда.
Про нее, какъ вспомнитъ, ночью
Все одну поетъ онъ пѣсню [87]).
Онъ, блуждая по вселенной,
Прислонилъ гдѣ-то головку
Безпочетную — и плачетъ
О скорбяхъ своей супруги.
А ее, о преступленье!
Онъ въ лѣсу пустынномъ бросилъ.
Да жива-ль она бѣдняжка?

---

[87]) Слёкамъ экамъ, собств. одну Слоку, т. е. двустишье. Въ подлинникѣ точно жалобы Наля излились въ одной Слокѣ.

Одинокая, въ пустынѣ,
Женщина, дорогъ не зная,
Неповинная блуждаетъ;
Если только не погибла.
Ужасъ, ужасъ! голодъ, жажда
Страшно бѣдную терзаютъ.
Лѣсъ кругомъ непроходимый,
Лѣсъ дремучій, звѣри рыщутъ
Вкругъ нея; а онъ, безумный,
Нищій, тамъ ее покинулъ!»
Такъ-то Наль, воспоминая
О прекрасной Дамаянти,
На чужбинѣ укрывался,
Жилъ, томясь, у Ритупарны.

ПѢСНЬ XVI.

Слышитъ Бгима, что у Наля
Царство отняли злодѣйски,
Что онъ самъ пошелъ, злощастный,
По бѣлу свѣту съ женою,
По чужимъ угламъ слоняться.
Пожелавши видѣть Наля,
Онъ Брагмановъ шлетъ разумныхъ,
Надѣляетъ ихъ богатствомъ,
И такой наказъ вѣщаетъ:
«Вы Царя ищите Наля,
И мою дочь Дамаянти!
Сослуживши эту службу,

И развѣдавши о Налѣ,
Кто изъ васъ въ мой домъ высокій
Приведетъ ихъ, тотъ получитъ
Тысячу коровъ, поля тотъ
Отъ меня, село получитъ.
И того богатствомъ даже
Надѣлю, и дамъ ему я
Тысячу коровъ, кто только
Разузнаетъ, и мнѣ скажетъ,
Гдѣ Царь Наль, гдѣ Дамаянти.»
Какъ услышали Брагманы
Сей наказъ Царя Видарбги,
Въ путь веселые пустились.
Обошли они всѣ царства,
Города, всѣ страны свѣта;
Всюду Наля, Дамаянти,
Какъ приказано, искали.
Нѣтъ нигдѣ. Брагманъ Судева
Наконецъ пришелъ въ градъ Чеди.
Онъ, разыскивая всюду,
Вдругъ увидѣлъ Дамаянти
Въ праздникъ царскій [88]), средь чертоговъ
Пышныхъ Субагу владыки.
Тамъ стояла Дамаянти
Подлѣ свѣтлой, несравненной,
Царской дочери Сунанды,

---

[88]) Пунъягавачане — раджнягъ, собственно въ провозглашеніи чистаго, царскаго дня, т. е. когда объявленъ былъ чистый, т. е. свѣтлый, праздничный, царскій день.

Словно солнце, блескъ свой кроя
Въ тучѣ черныя печали;
А въ большихъ глазахъ царевны
Потухалъ огонь алмаза.
Глядя на нее Судева
Исхудавшую, отъ свѣта
Отказавшуюся вовсе;
Видя золото подъ пепломъ,
Про себя онъ думалъ думу:
«Тотъ-же образъ замѣчаю
Въ этой женщинѣ въ день скорби,
Что и прежде въ дни блаженства;
Славно жъ я окончилъ дѣло!
Сослужилъ царю я службу.
Вотъ она, утѣха міра,
Словно Срія, словно мѣсяцъ,
Ясный мѣсяцъ въ полнолуньи!
Смуглая; а перси, перси!
Два трепещущіе круга.
А глаза! Какъ потокъ свѣтлы.
Гдѣ блеснетъ царица наша,
Тамъ ужъ свѣтъ, тамъ мракъ исчезнетъ.
Роскошь и любовь вселенной
Бгимы дочь; она похожа
На жену Мантатги — бога *);
Это лотосъ Видарбгинскій,
Сорванъ, смятъ, въ пыли покинутъ.

---

*) ср. 25.

ВСЕСОЮЗНАЯ ГОС. БИБЛИОТЕКА
ИНОСТРАННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Грязь, болото, кроютъ нынѣ
Члены дивной Дамаянти.
Это ночь въ часъ полнолунья,
Въ часъ, когда Рагу [89]) свирѣпый
Поглотитъ луну на небѣ:
Грусть — тоска о добромъ мужѣ
Красоту ея сгубила.
Вотъ она, какъ рѣчка быстро
Что текла, изсякла жъ нынѣ,
На которой лотосъ высохъ,
Обронивши цвѣтъ и листья;
И съ которой отлетѣли,
Испугавшіяся птицы.
Вотъ она, какъ тотъ источникъ,
Какъ то озеро, на коемъ
Лотосъ росъ, взмутилъ же воду,
Взволновалъ слоновый хоботъ.
Нѣжная, — которой члены
Красотой блистали чудной,
И которая достойна
Царски убранныхъ чертоговъ,
Въ коихъ камни самоцвѣтны
Ослѣпляютъ блескомъ очи; —
Вотъ она, тотъ лотосъ пышный,
Цвѣтъ, оторванный отъ стебля,
Зноемъ солнечнымъ сожженный.

---

[89]) Рагу, демонъ изъ рода Дайтьевъ, съ змѣинымъ хвостомъ. По индѣйской миѳологіи во время затмѣнія онъ пожиралъ солнце и луну.

Царственный видъ Дамаянти,
Лучъ въ немъ блещетъ думъ высокихъ;
Украшеній всѣхъ достойна,
Лишена жъ ихъ совершенно;
Молодой какь будто мѣсяцъ,
Черной тучею подернутъ.
Лишена ласкъ, наслажденій
Теплой дружбы и любови;
Лишена родныхъ, знакомыхъ;
Сирота, груститъ о мужѣ,
Добывая хлѣбъ насущный
Потомъ — кровью на чужбинѣ.
Тяжко жить женѣ безъ мужа!
Ей не нужны украшенья;
Мужъ женѣ есть украшенье,
Лучше всякихъ украшеній.
Мужъ жену когда покинулъ,
Меркнетъ блескъ ея, та даже,
Что сіяла, не сіяетъ.
Трудный подвигъ и для Наля
Жить въ разлукѣ съ Дамаянти,
Не зачахнуть отъ печали.
Я и самъ, взглянувъ на кудри,
Черныя какъ смоль, на очи
Ясныя, что лотосъ свѣтлый,
Осѣненныя дугами
Длинными бровей, на эту
Какъ взгляну я прелесть въ горѣ,
Стоющую лучшей доли,

Все-жъ подъ страшнымъ гнетомъ рока;
Я и самъ скорблю душею:
Тяжко сердцу, слёзы льются!
Наконецъ, когда-жъ достигнетъ
До послѣдней грани скорбей,
Дамаянти, перлъ красавицъ?
Добрая жена, когда-же
Встрѣтится съ своимъ супругомъ,
Какъ звѣзда [90]) Рогини съ мужемъ,
Съ яснымъ мѣсяцемъ на небѣ?
Возвративъ свою супругу,
Наль воротитъ радость сердцу;
Царь низверженный съ престола,
Онъ царемъ опять предстанетъ.
По лѣтамъ своимъ дочь Бгимы,
По семьѣ, по свойствамъ духа,
Равная царю Найшадгѣ:
Наль достоинъ Дамаянти!
И прекрасная дочь Бгимы,
Черноокая Видарбгъя,
Стоитъ, кто-жъ не согласится?
Несравненнаго Найшадги.
Я обязанъ утѣшенье
Въ грудь пролить супруги Наля,
Одареннаго богами
Доблестью, умомъ высокимъ.
Утѣшать я приступаю

---

[90]) Рогини, дитя Дакши, жена Чандры, луны.

Бгимы дочь, лице которой,
Что твой мѣсяцъ въ полнолуньи;
Ту, которая, бывало,
Никакой не знала скорби;
А теперь стоитъ несчастьемъ
Пораженная, съ печальной
На челѣ угрюмомъ думой.»
Тутъ Судева, всѣ примѣты,
Доказательства всѣ взвѣсивъ,
Подошелъ къ несчастной Бгайми,
И сказалъ ей рѣчь такую:
«Я Судева, другъ я брата
Твоего, о Дамаянти!
Бгима царь искать повсюду
Приказалъ тебя. Отецъ твой
И царица мать, и братья —
Всѣ здоровы. И малютки,
Да продлитъ имъ вѣку Брагма [91]),
Оба здравствуютъ въ Видарбгѣ,
Разцвѣтаютъ всѣмъ на диво.
Всѣ твои родные въ скорби;
О твоемъ узнавъ несчастьи,
Словно умъ свой потеряли.
Сотни по свѣту Брагмановъ
Ищутъ днесь тебя, Видарбгья!»
Какъ узнала Дамаянти

---

[91]) Аюшмантау (к. Аюсъ, вѣкъ, лѣта, возрастъ) дв. ч. отъ аюшматъ, обѣщающій долгую жизнь, достигающій старости.

Вѣстника Судеву , тутъ же
О друзьяхъ всѣхъ по порядку
Стала спрашивать Брагмана.
Увидавши такъ внезапно
Друга братняго , главу же
Всѣхъ Брагмановъ Видарбгинскихъ,
Отъ избытка скорби лютой ,
Зарыдала безутѣшно.
Видя плачъ ея Сунанда ,
Видя скорбь и рѣчи , тайно
Что ведетъ съ Судевой,
Донесла о томъ поспѣшно
Своей матери царицѣ.
«Рукодѣльница рыдаетъ ,
Такъ она ей говорила ,
Встрѣтясь съ кѣмъ - то изъ Брагмановъ;
Ты теперь ее узнаешь ,
Если то тебѣ угодно.»
Мать тогда владыки Чеди
Изъ покоевъ вышла женскихъ ,
И пришла туда, гдѣ съ Бгайми
Рѣчи велъ Брагманъ Судева.
Какъ пришла , тотчасъ позвала
Видарбгинскаго Брагмана ,
И спросила: «Ты скажи мнѣ ,
Это чья жена иль дочерь ?
По какой судьбѣ разсталась ,
Черноокая съ родными ,
И съ супругомъ ? Какъ , скажи мнѣ ,

Ты ее узналъ, Судева?
Все я это знать желаю.
Разскажи же мнѣ подробно
Все, что знаешь о прекрасной
Этой женщинѣ!» Судева,
Изо всѣхъ Брагмановъ лучшій,
На почетномъ сѣвши мѣстѣ,
Съ удовольствіемъ всю правду
О Видарбгіи повѣдалъ.

ПѢСНЬ XVII.

«Бгима царь въ Видарбгѣ, блескомъ
Озаренный. Дамаянти,
Дочь его, краса красавицъ,
Прогремѣвшая повсюду
Славой, вотъ она, царица!
Царь въ Нишадгѣ многолюдной,
Наль по имени, Найшадга,
Сынъ могучій Вирасены.
Наля-жъ мудраго супруга,
Дамаянти, перлъ красавицъ,
Предъ тобою, о Царица!
Наль однажды благородный
На игру былъ вызванъ братомъ,
Проигралъ все, и, лишившись
Царства, вмѣстѣ съ Дамаянти,
Удалился изъ Нишадги,
И о немъ нѣтъ слуху. Землю

Мы обходимъ, Дамаянти
Отыскать желая: къ счастью
Вотъ она въ твоихъ палатахъ!
На нее во всей вселенной
Нѣтъ похожей; межъ бровями
У нея, у смуглой вижу
Я примѣту, отъ рожденья
Возсіявшую. Теперь же
Помрачилась та примѣта [92]):
Такъ скрывается за тучей
Мѣсяцъ ясный! Для отличья
Даманъ, всѣхъ краса Брагмановъ,
На челѣ у Дамаянти
Этотъ чудный знакъ отмѣтилъ;
Но луна въ своемъ ущербѣ
Не сіяетъ слишкомъ ясно.
Красота же Дамаянти
Совершенно не погасла,
Хоть ее скрываетъ въ мракѣ
Туча черная печали [93]).
Безъ прикрасъ она сіяетъ,
Словно золото. Узналъ я
Дамаянти по осанкѣ,
По блестящей той примѣтѣ:
Такъ легко огонь укрытый
По его теплу узнаешь.»

---

[92]) Малена санвритогъясъясъ, собств. грязью, нечистотою ея объятая, покрытая (примѣта).

[93]) Вопурмаляамачитамъ т. ч. малена санвритогъясъясъ, ср.

Слыша эту рѣчь Судевы,
Подошла Сунанда ближе,
И чело водой омыла
У прекрасной Дамаянти.
Въ слѣдъ за тѣмъ примѣта ярко
Заблистала, словно мѣсяцъ,
Проглянувшій изъ-за тучи.
Какъ увидѣли примѣту
Мать царица и Сунанда,
Стали плакать отъ восторга,
Обнимать пошли дочь Бгимы,
И, обнявшись, простояли
Чудныхъ нѣсколько мгновеній.
Напослѣдокъ мать царица,
Успокоившись немного,
И унявши свои слезы,
Такъ сказала: «Дамаянти,
На челѣ съ примѣтой свѣтлой,
Ты моей сестрицы дочерь!
Я и мать твоя, мы обѣ
Дочери царя Дасарновъ
Судашана. Нашъ родитель
Отдалъ мать твою за Бгиму,
Я-жъ досталась Виравагѣ.
Я уже тебя въ Дасарнѣ [94])
Въ домѣ видѣла отцовскомъ.

---

[94]) Дасарна, часть центральнаго Индостана, на Юговостокѣ отъ горъ Виндгъя.

Слушай, домъ мой не уступитъ
Твоего отца палатамъ;
Такъ останься въ нашемъ царствѣ,
Власть, почетъ дѣли со мною!»
Мысли чудной Дамаянти
Прояснились. Поклонилась
Она тетушкѣ, и послѣ
Такъ сказала: «я и прежде,
Хоть не узнанна тобою,
Проживала въ твоемъ домѣ
Безъ обиды, все имѣя,
Что сама лишь пожелала.
Ты, какъ матушка родная,
Берегла меня, и нынѣ,
Я увѣрена, была-бы
Жизнь моя еще пріятнѣй.
Я въ изгнаньи слишкомъ долго;
Отпусти меня, царица!
Мои дѣти тамъ малютки
Безъ отца въ слезахъ тоскуютъ;
Почему-жъ имъ быть сироткамъ,
И безъ матери такъ долго?
Если мнѣ добра желаешь,
Повели тотчасъ, царица,
Снарядить мнѣ колесницу:
Я хочу летѣть въ Видарбгу!»
«Хорошо!» Царица матерь
Ей съ весельемъ отвѣчала,
И питьемъ и пищей сладкой

Надѣлила на дорогу.
Съ позволенья Вираваги,
Сына матери царицы,
Рать большая провожала
Дамаянти; колесницу-жъ
Самъ народъ тащилъ усердно
На плечахъ своихъ, и вскорѣ
Прибыла она въ отчизну.
Сонмъ родныхъ почтилъ веселой
Встрѣчей дочь владыки Бгимы.
Увидавши всѣхъ здоровыхъ:
И отца, и мать царицу,
И малютокъ своихъ милыхъ,
И родныхъ всѣхъ, и подружекъ,
Воздала она Брагманамъ,
И богамъ благодаренье.
Бгима-жъ царь, увидя дочерь,
Радъ ея пріѣзду, тутъ-же,
Какъ сказалъ, Судеву позвалъ,
И ему далъ въ награжденье
Тысячу коровъ; полями
И селомъ его потѣшилъ.
Ночь одну проночевавши
Дамаянти въ отчемъ домѣ,
Отдохнувши, рѣчь такую
Нѣжной матери сказала:
«Не солгу тебѣ, родная!
Если хочешь, чтобъ жила я,
Постарайся возвратить мнѣ

Наля моего, героя.»
Опечалилась царица,
Услыхавши рѣчь такую;
Залилась слезами, Бгайми
Не отвѣтила ни слова,
Жены же въ чертогахъ, видя
Мать царицу въ скорби лютой,
Всѣ увы, увы! вопили,
Проливали слезъ потоки.
Наконецъ владыкѣ Бгимѣ
Такъ царица мать сказала:
«Царь, твоя дочь Дамаянти
О своемъ тоскуетъ мужѣ;
Всю застѣнчивость откинувъ,
Такъ, о царь, сама сказала:
«Если хочешь, чтобъ жила я,
Постарайся возвратить мнѣ
Наля моего супруга!»
Возбужденный этой рѣчью,
Бгима царь призвалъ Брагмановъ,
Исполнителей усердныхъ
Воли царской непреложной,
И изрекъ имъ повелѣнье:
«О Брагманы! отправляйтесь
Вдругъ во всѣ концы вселенной,
Отыщите мнѣ Найшадгу,
Приведите къ Дамаянти!»
Изъ Видарбги уѣзжая,
Тѣ Брагманы къ Дамаянти

Всѣ пришли, самъ царь велѣлъ имъ,
И сказали: «Уѣзжаемъ!»
Дамаянти имъ на это:
«Во всѣхъ царствахъ, о Брагманы!
Во всѣхъ сборищахъ народныхъ
Говорите, повторяйте
Только эту рѣчь повсюду:
«Куда ты дѣвался игрокъ, половинку
Одежды похитивъ у спящей супруги,
Покинувъ супругу въ лѣсу? а казалось,
Ее ты душею любилъ, самъ любимый.

*

Проснувшись, какъ ты ей велѣлъ, ожидаетъ
Въ лѣсу; сидя плачетъ; палитъ ее солнце,
Прикрытую платья лихой половинкой.
Ты сжалься надъ плачемъ, о царь, надъ кручиной:

*

Яви ты ей милость, отвѣтомъ порадуй!
Брагманы! рѣчь эту повсюду вѣщайте,
Подобныя рѣчи звучите повсюду,
Чтобъ тронулся Налясъ ко мнѣ состраданьемъ.

*

Старайтесь объ этомъ безъ всякихъ упре-
ковъ;
Упреки озлобятъ лишь только Найшадгу:
Всегда огонь рощу сожжетъ, коли вѣтеръ
Раздуетъ огонь тотъ тлетворнымъ дыханьемъ.

*

Скажите лишь: долгъ свой умѣющій дѣлать!
Зачѣмъ позабылъ ты объ этомъ законѣ:
Мужъ добрый печется всегда о супругѣ,
Лелѣетъ супругу, какъ жемчугъ безцѣнный.

*

Всегда называли тебя милосердымъ,
Ты мудръ былъ, душею ты былъ благороденъ;
А нынѣ жестокъ ты! Я вижу, что счастье
Мое миновало, исчезло, погибло.

*

Ахъ, сжалься, яви ты свое милосердье,
Правитель народовъ, о царь человѣковъ!
Ты сказывалъ, помню: долгъ первый изъ первыхъ.
Быть кроткимъ и мягкимъ, и знать состраданье.

*

На ваши тѣ рѣчи кому коль случится
Отвѣтить: Наль это! тотчасъ вы старайтесь
Узнать того мужа, откуда и кто онъ,
И гдѣ онъ жилище имѣетъ на свѣтѣ?

*

И этотъ отвѣтъ вы, обдумавъ, Брагманы!
Скорѣе въ Видарбгу, чтобъ онъ не замѣтилъ,
Что я васъ послала, и чтобы вторично
Могли вы явиться къ нему для распросовъ.

*

Богатъ онъ, иль бѣденъ, стремится ль къ богатствамъ,
Узнайте немедля все это, Брагманы!

Все это знать должно, все это скорѣе,
Узнавши, скажите несчастной супругѣ!»
Эту рѣчь Брагманы слыша,
Разошлись по всѣмъ дорогамъ,
Чтобъ несчастнаго Найшадгу
Отыскать для Дамаянти.
Обходили они царства,
Города, поля, деревни,
Пастуховъ кочевья, селы,
И отшельниковъ жилища.
Всюду Наля-Пунъяслеку
Отыскать старались, все-же
Не нашли его, и тщетно
Повторяли слово въ слово
Рѣчь несчастной Дамаянти.

ПѢСНЬ XVIII.

Много времени умчалось,
И никто не возвращался;
Наконецъ пришелъ Парнада,
Изъ святыхъ одинъ Брагмановъ.
Возвратясь въ Вирдабгу городъ,
Онъ явился къ Дамаянти,
И сказалъ ей рѣчь такую:
«Какъ искалъ я Наля всюду,
Я зашелъ въ Аедгъю городъ,
И предсталъ предъ свѣтлы очи

Ритупарны Бгангасуры [95]).
Рѣчь твою ему сказалъ я,
Многоумная царица!
Слушалъ счастливый владыка,
Слушали въ его палатахъ
Всѣ и всѣ; я даже снова
Повторялъ имъ твои рѣчи;
Но меня и царь, и слуги
Отпустили безъ отвѣта.
Я иду — въ безлюдномъ мѣстѣ,
Вдругъ попался мнѣ навстрѣчу
Нѣкто именемъ Вагука,
Ритупарны же возница.
Безобразенъ онъ былъ видомъ,
Ростомъ малъ, коротки руки,
Но за то весьма искусенъ
Править быстрыми конями,
Пищу вкусную готовить.
Рѣчь твою опять ему я
Говорю; вздохнулъ Вагука,
И заплакалъ горько, горько.
Послѣ этого спокойно
Онъ меня почтилъ привѣтомъ
И сказалъ такія рѣчи:
«Благородныя супруги,
Благонравныя, подвергшись

---

[95]) Бгангасури, собств. имя. к. к. Бганга часть (отъ бгаджъ дѣлить и Сура), богъ, герой (отъ суръ блистать).

Даже бѣдствіямъ, свою честь
Сберегать умѣютъ сами;
Небо шлетъ имъ, это вѣрно,
Пропитаніе дневное.
Ихъ мужья хотя покинутъ,
Никогда онѣ нестанутъ
На мужей своихъ сердиться,
Превосходныя ведутъ жизнь,
Облекшись въ броню святыя
Добродѣтѣли и правды.
Всю когда безумный, бѣдный
Потерялъ свою усладу;
Не сердись она за это,
Что ее въ лѣсу онъ кинулъ.
Онъ безъ пищи, безъ одежды,
Унесли одежду птицы;
Не сердись она за это,
Что ее въ лѣсу онъ кинулъ.
Онъ изсохъ отъ злой кручины,
Царства, счастія лишился;
Видя мужа въ тяжкой долѣ,
Голодающаго, горемъ
Пораженнаго ужаснымъ,
Позабудь она, что съ нею
Хорошо-ль онъ, дурно-ль сдѣлалъ;
Не сердись она за это,
Что въ лѣсу ее онъ кинулъ.»
Эту рѣчь его услыша,
Я къ тебѣ спѣшилъ, царица!

Разсуди, сама какъ знаешь,
Обо мнѣ-жъ царю напомни.»
Этотъ весь разсказъ Парнады
Услыхавши, Дамаянти
Горько плакала, и тайно
Пошла къ матери царица,
И сказала ей: «родная!
Ты никакъ объ этомъ Бгимѣ
Не должна сказать ни слова!
При тебѣ одной Судеву,
Цвѣтъ Брагмановъ, я наставлю;
Если мнѣ добра желаешь,
Постарайся, чтобы плановъ
Не проникъ моихъ отецъ царь.
Скоро вѣдь меня Судева
Возвратитъ къ роднымъ любезнымъ;
Пусть-же онъ съ подобнымъ счастьемъ
Отправляется въ Аёдгью,
Пусть идетъ туда немедля,
Приведетъ оттуда Наля»
Между тѣмъ Брагманъ Парнада
Отдохнулъ; его почтила
Бгимы дочь богатствомъ щедро,
И сказала: «дамъ и больше,
Лишь вернись мой Наль въ Видарбгу.
Для меня ты много сдѣлалъ,
Лучшій изо всѣхъ Брагмановъ!
Ужъ никто не въ силахъ столько
Сдѣлать мнѣ; ты это сдѣлалъ,

Что сойдусь я съ Налемъ скоро.»
Выслушавъ Брагманъ Парнада
Многоумный эти рѣчи,
Кончивъ дѣло, удостоилъ
Онъ ее благословеній,
Пожелалъ ей благъ возможныхъ,
И въ свое ушелъ жилище.
Дамаянти послѣ, скорбью
Удрученная тяжелой,
Позвала къ себѣ Судеву,
И при матери сказала:
«Поѣзжай въ Аёдгъю городъ,
И явись тамъ къ Ритупарнѣ,
Такъ однако, чтобъ онъ думалъ,
Что ты прибылъ не нарокомъ,
По дѣламъ своимъ Судева!
А какъ явишься, скажи ты:
Дамаянти избираетъ
Для себя супруга снова;
Всѣ цари пойдутъ, я слышалъ,
Всѣ царевичи въ Видарбгу.
День пройдетъ одинъ лишь только,
Бгима такъ расчелъ все время,
Послѣ завтра выборъ будетъ.
Ты враговъ каратель мощный,
Если думаешь о Бгайми,
Поѣзжай туда скорѣе;
Послѣ завтра будетъ поздно!
Лишь взойдетъ на небо солнце,

Дамаянти ужъ другаго
Изберетъ себѣ супруга;
Ибо вовсе неизвѣстно,
Живъ-ли Наль еще, иль умеръ.»
Какъ велѣла Дамаянти,
Такъ Брагманъ Судева сдѣлалъ;
Онъ отправился въ Аёдгью,
И сказалъ все Ритупарнѣ.

ПѢСНЬ XIX.

Ритупарна, царь народовъ,
Услыхавши рѣчь такую,
Обратился съ сладкимъ словомъ
Съ рѣчью ласковой къ Вагукѣ:
«Я хочу въ Видарбгу ѣхать,
Въ день одинъ поспѣть хочу я;
Дамаянти выбираетъ
Тамъ себѣ другаго мужа.
Мой искуснѣйшій возница!
Мой Вагука! Въ день пріѣду-ль?
Что ты думаешь объ этомъ?»
Наль какъ громомъ пораженный
Этой рѣчью Ритупарны,
Съ сердцемъ, горестью разбитымъ,
Думалъ думу: не ужели
Бгимы дочь, отъ сильной скорби
Потерявши разумъ, можетъ
Говорить такъ, или дѣлать?

Ужъ не выдумалаль только
Для меня она ту хитрость?
Не ужели Дамаянти,
Оскорбленная жестоко
Мною низкимъ и безумнымъ,
Непорочная супруга,
Неужель могла рѣшиться
На безбожный столь поступокъ?
Женскій нравъ измѣнчивъ, точно! [96])
Ну, положимъ, позабыла
Дамаянти съ стройнымъ станомъ
Мужа своего; положимъ,
Грѣхъ мой тяжкій, непростимый;
Это сдѣлала, положимъ,
Разлюбивъ меня въ разлукѣ;
Ну, положимъ, помѣшалась,
Моимъ бѣдствіемъ смутилась;
Отъ отчаянья, положимъ: —
Но вѣдь дѣти, есть вѣдь дѣти!

---

[96]) Гляди, подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна,
На всю природу мимоходомъ
Равно сіянье льетъ она,
Заглянетъ въ облако любое,
Его такъ пышно озаритъ,
Оставитъ и опять иное
Мгновеннымъ блескомъ посѣтитъ.
Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
Примолвя: здѣсь остановись!
Кто сердцу юной дѣвы скажетъ,
Люби одно, не измѣнись.

А. Пушкинъ.

Нѣтъ! она того не можетъ,
Никогда не можетъ сдѣлать!
Что здѣсь правда, что неправда,
Я поѣду и узнаю,
И желанье Ритупарны
Я исполню въ свою пользу!»
Такъ въ душѣ своей рѣшивши,
Наль съ убитою душею,
На груди скрестивши руки,
Отвѣчалъ людей владыкѣ,
Ритупарнѣ: «Царь народовъ!
Будетъ такъ, какъ ты желаешь;
Въ день одинъ съ тобой въ Видарбгу
Я поспѣю къ Дамаянти.»
Послѣ этого пошелъ онъ,
Какъ велѣлъ царь Ритупарна,
На конюшню; обозрѣлъ тамъ
Лошадей; а Бгангасура
Торопилъ Вагуку сильно.
Долго взвѣшивалъ Вагука,
Лошадей узнать желая;
Наконецъ онъ выбралъ тощихъ,
Годныхъ для дороги дальней,
Одаренныхъ крѣпкой силой,
И породистыхъ. На тѣлѣ
Ни одной дурной примѣты;
А дурныхъ примѣтъ есть десять.
Ноздри ихъ огромны были,
Челюсти большія; кони

Родомъ тѣ изъ Синдги [97]), быстры
Были, словно вѣтеръ быстрый.
Глядя царь на нихъ, не много
Разсердился на Вагуку,
И сказалъ въ сердцахъ: «Вагука!
Это что такое значитъ?
Что ты это хочешь дѣлать?
Насъ обманывать не должно!
Кони эти слабосильны,
И надорваны. Не хватитъ
Духа имъ для сей дороги:
Какъ они везти насъ будутъ?
Какъ въ большую намъ дорогу
На такихъ коняхъ пускаться?»
А Вагука Ритупарнѣ:
«На челѣ одна примѣта,
Двѣ на головѣ примѣты;
По двѣ на бокахъ примѣты;
Грудь по правой и по лѣвой
Сторонѣ съ двумя, спина-же
Лишь съ одной примѣтой. Духомъ
Довезутъ насъ эти кони
Въ день одинъ въ Видарбгу городъ.
Если-жъ этихъ отвергаешь,
На другихъ надѣясь больше,
Укажи лишь, и Вагука
Запряжетъ, какихъ прикажешь.»

---

[97]) 1) Рѣка Индъ. 2) Во множ. числѣ страна около рѣкѣ Инда.

«Нѣтъ, Вагука! Царь отвѣтилъ;
Дѣло мастера боится!
Самъ свое ты дѣло знаешь;
О коняхъ судить, я вижу,
Ты вполнѣ постигъ науку.
Запрягай-же тѣхъ проворно,
Коихъ годными считаешь.»
И искусный въ своемъ дѣлѣ
Заложилъ Наль въ колесницу
Четырехъ коней, отличныхъ
Быстротою и породой;
Нетерпѣніемъ сгарая,
Сѣлъ и царь на колесницу.
Кони ржали и копытомъ
Били землю, заметали
Землю гривой, долгогривы,
Припадая головами.
Наль съ могучими конями,
Ярыми отвагой, силой,
Разговаривалъ, ласкаясь;
А потомъ тряхнувъ вожжами,
Осадилъ летѣть готовыхъ;
И Варшнею посадивши,
Вскрикнулъ громко: «Гей вы кони,
Гей, въ дорогу.» Тѣ взвилися,
Полетѣли словно птицы,
И, казалось, умъ — отвагу
Выбьютъ вонъ изъ персей Наля.
Видя, что летѣли кони,

Быстрокрылые какъ вихри,
Царь блаженствовалъ Аедги,
Изумленный; а Варшнея,
Слыша громъ отъ колесницы,
Видя, какъ Вагука правилъ
Ловко быстрыми конями,
Погрузился весь въ раздумье
О Вагуковомъ искусствѣ.
«Ужъ не есть-ли онъ возница
Бога всѣхъ боговъ — Матали? [98])
Въ удивительномъ Вагукѣ
Всѣ его примѣты видны.
Ужъ не онъ-ли Салиготра [99]),
Воплощавшійся въ прекрасный
Видъ и образъ человѣка,
Знающій коней природу
И породу? Ужъ не Наль-ли
Проявился, разрушитель
Вражьихъ городовъ, правитель
Благодѣтельный народовъ?»
Такъ онъ думалъ, прибавляя:
«Ужъ не знаетъ-ли Вагука
Той же, что и Наль науки?
Я въ обоихъ замѣчаю
То-жъ умѣнье. Да и годы
Тѣ же, кажется, обоимъ.

---

[98]) Матали, возница Индры.

[99]) Миѳологическое лице. К. Саль, идти, бѣжать.

Если онъ не Наль могучій,
Все-жъ искусствомъ равенъ Налю.
Иногда цари земные,
По небесному рѣшенью,
Скрывши видъ свой, незамѣтны
Ходятъ по свѣту. Конечно,
Безобразіе Вагуки
Не указываетъ Наля;
Но лѣта Вагуки тѣ же,
Что и Наля, то-жъ искусство.
Совершенно убѣжденъ я,
Что въ Вагукѣ безобразномъ
Наль скрывается Найшадга.»
Такъ раздумывалъ въ восторгѣ
Про себя Варшнея вѣрный;
Въ то же время Ритупарна,
Видя, какъ искусно правилъ
Колесницею Вагука,
Видя пылъ Вагуки, рвенье,
Веселился всей душою,
Раздѣлялъ восторгъ Варшнеи.

ПѢСНЬ XX.

Между тѣмъ летѣли кони,
Оставляя за собою
Горы, рощи и озера:
Быстрокрылыя лишь птицы
Такъ летятъ по поднебесью.

Въ этомъ быстромъ ихъ полетѣ,
Городовъ рушитель вражьихъ,
Бгангасура — Ритупарна
Уронилъ съ своихъ плечъ мантію.
Торопился, все-жъ на Наля
Вскрикнулъ царь великодушный;
«Стой Вагука! подниму я
Мантію мою; покуда
Мнѣ подастъ ее Варшнея,
Удержи коней ретивыхъ!»
Наль отвѣтилъ Ритупарнѣ:
«Далеко осталась мантья;
Миль пять [100]) слишкомъ мы умчались,
Ужъ за ней не возвращаться!»
Въ то-жъ мгновенье въ лѣсъ зеленый
Въѣхали они; царь видитъ
Вибгитаку, прелесть — древо,
Всю покрытую плодами.
Царь спѣшилъ; а увидавши
Вибгитаку, рекъ къ Вагукѣ:
«Посмотри, возница, въ счетахъ
Сколько силенъ Ритупарна!
Не найдешь ты человѣка,
Чтобы все ужъ зналъ на свѣтѣ;
Ужъ всего никто не знаетъ;

---

[100]) Ёджана, по мнѣнію однихъ 11, по мнѣнію же другихъ только 4, не больше 5 англійскихъ миль. Я принималъ ёджану только за 5 миль, чтобы проѣзжаемые Налемъ въ одинъ день 100 ёджанъ были правдоподобнѣе.

Никогда никто не будетъ
Обиталищемъ всезнанья!
Хоть бы вотъ на этомъ древѣ,
Что за тьма плодовъ и листьевъ!
Сколько-жъ на земь листьевъ спало,
Тамъ одинъ на кажду сотню;
И на каждый здѣсь изъ листьевъ
Плодъ одинъ точь въ точь выходитъ.
Пятьдесятъ мильоновъ листьевъ
Вотъ на сихъ двухъ вѣткахъ только,
И на среднихъ между ними;
Тысячи-жъ двѣ девяносто
Пять плодовъ на нихъ по счету!»
«Стой!» Вагука крикнулъ громко
На коней, и мигомъ кони,
Будто вкопаны, стояли.
«Царь, сказалъ онъ, ты вѣщаешь
То, чего еще доселѣ
Я не видѣлъ. Дай увижу,
Дай сочту я Вибгитаку.
Какъ сочту, чего не видѣлъ,
Не слыхалъ, не зналъ доселѣ,
То увижу и узнаю;
При тебѣ-жъ считать я буду.
Царь великій! вѣдь закрыто,
Счетъ твой вѣренъ ли. Быть можетъ,
И ошибся ты случайно!
Весь счетъ этотъ я окончу
Здѣсь въ твоихъ глазахъ; покамѣстъ

Пусть Варшнея держитъ вожжи:»
Царь ему сказалъ на это:
«Медлить намъ теперь не время»
А Вагука горячился:
«Нѣтъ, пожди царь, хоть мгновенье!
Отвѣчалъ онъ; если-жъ хочешь
Торопиться слишкомъ много,
Вотъ идетъ дорога прямо!
Пусть коньми Варшнея править!»
Лаской взять хотѣлъ владыка;
Онъ сказалъ: «на цѣломъ свѣтѣ,
О Варшнея, отрасль Куру [101])!
Равнаго тебѣ возницы
Не сыскать; тебѣ хочу я
Быть обязаннымъ во вѣки.
Ты меня вези въ Видарбгу,
Мой искуснѣйшій возница!
Я къ тебѣ въ нуждѣ прибѣгнулъ,
Ты не дѣлай остановокъ!
Что ни скажешь, все охотно
Сдѣлаю тебѣ; меня лишь
Довези въ Видарбгу нынѣ
До заката солнца.» Онъ же
Повторялъ одно и тоже:
«Дай сочту я Вибгитаку,
И тогда уже поѣдемъ;

---

[101]) Одинъ изъ предковъ Дгритараштра и Панда к. Кри дѣлать, дѣйствовать.

Царь, исполни мое слово!»
Не охотно Ритупарна:
«Ну, сказалъ, считай, безгрѣшный,
Листья и плоды на вѣтвяхъ,
Мной указанныхъ; поборникъ
Правды, счетъ повѣрь! вкуси самъ
Наслажденіе прямое!»
И сошелъ онъ съ колесницы,
И повѣрилъ счетъ тотъ быстро,
И окончивъ, въ восхищеньи
Отозвался къ Ритупарнѣ:
«Точно, царь, плодовъ тамъ столько,
Сколько сказано тобою;
Это, право, удивленье!
Чудной силой, царь, владѣешь.
Я весьма узнать желаю
Ту науку, по которой
Счетъ такъ вѣрно узнается.»
Царь спѣшилъ въ дорогу, все же
Отвѣчалъ ему: «Вагука!
Знаю я науку эту;
Я искусствомъ обладаю:
И бросать удачно кости,
И сводить проворно счеты!»
А на это Ритупарнѣ
Рекъ Вагука: «царь народовъ,
«Дай ты мнѣ науку эту!
Я-жъ тебѣ въ замѣнъ искусство
Подарю конями править!»

«Ладно! царь ему отвѣтилъ,
И по этому, что дѣло
Было къ спѣху, и желая
Обладать искусствомъ править
Колесницей. «Ладно, ладно!
Онъ сказалъ, тебѣ отнынѣ
Передамъ я даръ и счета,
И игры успѣшной въ кости;
И за то возьму въ возмездье
Даръ твой управлять конями!»
Вслѣдъ за этимъ Ритупарна
Отдалъ ту науку Налю,
И изъ Наля въ тожъ мгновенье
Вышелъ Кали, изрыгая
Ядъ, которымъ Карлотака
Пропиталъ его всѣ кости.
Этотъ ядъ, огонь проклятья,
Сожигавшій долго Кали,
Весь излился напослѣдокъ.
Царь имъ мучимый столь долго,
Обезпамятѣлъ сначала;
Но избавившись отъ яду,
Образъ свой обычный принялъ.
Въ гнѣвѣ Наль, царь Нашадгійцевъ,
Проклялъ — было того Кали;
Но онъ, съ робостью во взорѣ,
Весь дрожа, сложивши руки,
Возопилъ: «О царь народовъ!
Обуздай гнѣвъ справедливый,

Я прославлю твое имя.
Мать младенца Индрасены
Прокляла меня ужъ прежде,
Лишь ее въ лѣсу ты бросилъ,
Властелинъ необоримый!
Царь людей! Съ тѣхъ поръ страдалъ я,
Жилъ въ тебѣ среди мученій;
Ядъ змѣя же Каркотаки
Жегъ меня и днемъ, и ночью.
Царь къ тебѣ я прибѣгаю;
Сжалься же ты надо мною!
Я сказать дерзаю вотъ что:
Видишь ты, какъ я въ испугѣ
Весь дрожу, страшусь проклятья;
Если ты проклятьемъ грознымъ
Не убьешь меня; то люди
Всѣ, которые усердно
Прославлять тебя лишь будутъ,
Не подвергнутся напасти
Отъ меня; безсиленъ будетъ
Противъ ихъ могучій Кали.»
Наль, услыша эти вопли,
Гнѣвъ свой праведный умѣрилъ;
Кали-жъ въ трепетѣ отъ страха,
Поселился въ Вибгитакѣ.
Во все-жъ время той бесѣды
Не былъ Наль никѣмъ замѣченъ.
Какъ исчезъ изъ виду Кали,
Царь Найшадга, смерть героямъ,

Съ нимъ соперничать дерзнувшимъ,
Отъ мученія избавясь,
Счелъ плоды; и озаренный
Радостью и въ блескѣ славы
Въ колесницу сѣлъ и снова
На коняхъ помчался быстрыхъ.
Обезславленное древо,
Вибгитака въ мигъ засохла,
Кали лишь въ него вселился.
Между тѣмъ въ восторгѣ Налясь,
Побуждалъ коней отмѣнныхъ;
Тѣ летѣли словно птицы;
Взоръ же Наля устремлялся
Чрезъ пространство въ край Видарбги,
Какъ исчезъ изъ виду Налясь,
Кали тоже удалился
Въ домъ свой робкою стопою,
И Найшадга, царь народовъ,
Успокоился отъ горя.
Кали духъ его покинулъ:
Оставалось лишь владыкѣ,
Получить свой образъ прежній.

ПѢСНЬ XXI.

Возвѣстили слуги Бгимѣ,
Вечеромъ, что царь въ Видарбгу
Ритупарна сильный прибылъ.
Въѣхалъ онъ въ Видарбгу городъ,

Думая, по приглашенью
Самого владыки Бгимы.
Какъ въѣзжалъ онъ, вся Видарбга
И окрестности Видарбги,
Оглашались словно громомъ,
Стукомъ царской колесницы.
И почуяли громъ этотъ
Кони Наля и заржали
Также весело, какъ ржали
Прежде, видѣвши Найшадгу.
Дамаянти также этотъ
Услыхала стукъ знакомый,
Словно громъ отъ бурной тучи,
Въ небѣ мчащейся высокомъ.
Изумилась, услыхавши;
Показалось ей, что слышитъ
Стукъ отъ Наля колесницы,
Наля правимой рукою.
Такъ то кони и дочь Бгимы
Догадались разомъ, даже
Всѣ слоны въ дворцѣ у Бгимы,
Всѣ павлины догадались,
Что пріѣхалъ Наль могучій.
Слыша этотъ стукъ знакомый,
Словно грохотъ тучъ пролетныхъ,
Хоботы слоны подняли,
Шеи вытянули павы,
Всѣ въ восторгѣ закричали.
Дамаянти, слыша это,

Про себя такъ говорила:
«Сколько этотъ громъ, всю землю
Потрясающій, милъ сердцу;
Сколько радуетъ онъ душу!
Непремѣнно здѣсь Найшадга,
Мѣсяцъ ясный мой, сіяетъ,
Серебрится ненаглядный!
Если нынѣ не увижу
Моего героя Наля,
Надѣленнаго дарами
Безъ числа и мѣры небомъ;
Днесь погибну непремѣнно!
Если нынѣ я не буду
Въ сладкихъ Налевыхъ объятьяхъ,
Не прижму его я къ сердцу;
Днесь погибну непремѣнно!
Громоносный мой Найшадга
Не явись днесь предъ мною,
Брошусь нынѣ же я въ пламя:
Мой костеръ давно сверкаетъ
Золотымъ огня каскадомъ!
Царь царей, мой Наль сегодня
Не явись лишь предо мною,
Мощный, словно слонъ въ безумномъ
Опъяненіи, сегодня жъ
Погибаю непремѣнно!
Я ему ужъ все прощаю;
Никакихъ обидъ не помню,
Словъ пустыхъ въ дѣлахъ житейскихъ

Я не помню; позабыто,
Прощено все! Мой Найшадга
Терпѣливъ, великодушенъ,
Онъ герой, онъ щедръ, онъ выше
Всѣхъ царей; онъ даже втайнѣ
Не свершилъ дурнаго дѣла;
Цѣломудръ онъ и безстрашенъ!
Преданная всей душею,
Въ сей разлукѣ съ милымъ другомъ,
Какъ черты его припомню,
Убиваюсь днемъ и ночью:
Сердце рвется отъ печали!»
Такъ горюя, Дамаянти
Растерялась въ мысляхъ скорбныхъ,
И взошла на крышу дома,
На дворцовую площадку,
Чтобъ увидѣть Пуньяслёку.
Видитъ, въѣхалъ Ритупарна,
Царь земли, а съ нимъ Варшнея
И Вагука безобразный
Въ ворота на дворъ обширный.
Какъ сошли всѣ съ колесницы,
Лошадей отпрягъ Вагука
И прибралъ самъ колесницу;
Ритупарна жъ, царь народовъ,
Шелъ въ палаты, гдѣ Царь Бгима
Обиталъ могучій, страшный.
Царь царя съ почетомъ встрѣтилъ.
Думалъ Бгима: «гость поспѣшный

Къ намъ пожаловалъ безъ дѣла,
Счастливоль его прибытье ?»
Въ слухъ прибавилъ: «что прикажешь ?
Въ добрый часъ ты къ намъ пріѣхалъ!»
Царь Видарбги не подумалъ,
Что пріѣхалъ царь Аёдгъи
Свататься за Дамаянти;
А разумный Ритупарна,
Царь могучій, изумился:
Что царей здѣсь не встрѣчаетъ
И царевичей прекрасныхъ;
Что не видитъ нужныхъ сборовъ
При избраніи супруга;
Что не видить съѣзда мудрыхъ,
И поправшихъ плоть Брагмановъ,
Наконецъ царь Ритупарна
На такой отвѣтъ собрался:
«Я затѣмъ сюда пріѣхалъ,
Чтобъ тебя, о царь, поздравить,
О твоемъ узнать здоровьѣ!»
Улыбнулся царь, и въ мысляхъ
Отыскать старался поводъ,
По которому проѣхалъ
Больше пяти сотъ миль въ сутки,
Ритупарна — Бгангасура.
«Не по этому, онъ думалъ,
Прибылъ въ домъ нашъ Ритупарна,
Столько селъ проѣхалъ. Нѣтъ ужъ!
Маловажна та причина!

Не теперь, такъ послѣ, все же
Мы узнаемъ, въ чемъ тутъ дѣло.»
Такимъ образомъ царь Бгима
Размышляя, Ритупарну
Принялъ, угостилъ, а послѣ
Отпустилъ: «О царь Аёдгьи,
Онъ сказалъ, усталъ ты нынѣ!
Отдохни съ дороги трудной!»
Ритупарна, подкрѣпленный
Угощеніемъ радушнымъ,
Съ свѣтлой мыслью, очень веселъ,
Что обрадовалъ пріѣздомъ
Бгиму, тутъ же удалился
Во дворецъ, ему нарочно
Отведенный. Какъ ушли же
Ритупарна и Варшнея,
Наль — Вагука колесницу
Откатилъ въ сарай поспѣшно,
Лошадей же отпряженныхъ
Мастерски прибралъ, погладилъ,
Поласкалъ ихъ, самъ же снова
Сѣлъ на мѣсто въ колесницу.
Дамаянти же глядѣла,
Тяжкой скорбію убита,
На владыку Ритупарну,
На Варшнею, на Вагуку,
Про себя жъ мечтала, глядя;
«Чей же громъ отъ колесницы?
Мнилось, Налевой; а все же

Я царя не вижу Наля!
Ужъ не перенялъ ли развѣ
И Варшнея у Найшадги
То искусство? Ритупарна
Въѣхалъ съ громомъ, будто Налясъ.
Можетъ статься, Ритупарна
Управляетъ колесницей
Такъ, какъ Наль, и громъ великій
Отъ его же колесницы
Мнѣ казался громомъ Наля.»
Съ этой думой Дамаянти
Позвала къ себѣ Кесини,
Прелесть дѣву, и послала
Разузнать все и развѣдать,
Разглядѣть путемъ Вагуку:
Ужъ не онъ ли Наль желанный?

XXII ПѢСНЯ.

Такъ сказала Дамаянти:
Ты поди, узнай Кесини!
Кто сидитъ тамъ въ колесницѣ,
Безобразенъ, съ мрачнымъ взоромъ,
Ростомъ малъ, коротки руки.
О прекрасная Кесини!
Ты почти его привѣтомъ;
Начинай, какъ можно, мягче;
Несравненная! Провѣдай,
Отъ него всю разомъ правду.

Ужъ не царь ли это Налясъ,
Сердца моего веселье,
И души моей услада.
А въ концѣ своей бесѣды,
Повтори слова Парнады
И замѣть, каковъ отвѣтъ дасть
Онъ тебѣ на эти рѣчи.»
И тотчасъ пошла Кесини
По велѣнью Дамаянти,
Ей служить во всемъ готова;
Дамаянти же стояла
На площадкѣ той дворцовой,
На верху чертоговъ Бгимы,
И глядѣла. А Кесини
Какъ пришла, сказала кротко:
«Въ добрый часъ, о царь народовъ,
Будь намъ вашъ пріѣздъ въ Видарбгу;
Я привѣтствую тебя здѣсь.
Царь людей! Узнай посланье
Несравненной Дамаянти.
Дамаянти знать желаетъ,
Вы когда изъ странъ родимыхъ
И зачѣмъ пришли въ Видарбгу?»
Отвѣчалъ на то Вагука:
Ритупарна Царь услышалъ
Отъ Брагмановъ рѣчь такую:
Завтра будетъ Дамаянти
Избирать другаго мужа.
Онъ, услыша это слово,

На конях, какъ вихорь быстрыхъ,
Миль пятьсотъ бѣгущихъ въ сутки,
Полетѣлъ въ Видарбгу городъ;
Я жъ его возница вѣрный.»
Кто же это третій съ вами?
Чей онъ? былъ вопросъ Кесини,
Чей ты самъ? скажи пожалуй!
Какъ попалъ ты въ эту должность?»
И Вагука ей отвѣтилъ:
То Варшнея знаменитый,
Онъ у Наля былъ возницей;
А какъ Наль бѣжалъ изъ Царства,
Онъ явился къ Ритупарнѣ.
Я жъ, взгляну лишь мимоходомъ
На коней тотчасъ узнаю,
Ихъ породу и природу,
Я искусствомъ обладаю
Дивнымъ править колесницей;
Поступилъ же къ Ритупарнѣ:
Главнымъ быть его возницей,
Пищу вкусную готовить.»
«А куда же Наль уѣхалъ; —
Былъ вопросъ Кесини дивной,
Знаетъ ли про то Варшнея?
Не сказалъ ли онъ чего ужъ
И тебѣ объ этомъ!» Бгимѣ
Онъ вручилъ дѣтей несчастныхъ
Злополучнаго Найшадги;
Отвѣчалъ Вагука. Послѣ

Онъ ушелъ изъ царства Бгимы
Въ свѣтъ, куда глаза глядѣли.
Онъ не знаетъ про Найшадгу
Ничего; я полагаю,
Что никто объ немъ не знаетъ
Ничего. Земли владыка
Міръ обходитъ, укрываясь,
Потерявши видъ свой прежній.
Наль самъ знаетъ лишь про Наля,
И которая всѣхъ ближе
Къ сердцу Наля; а своихъ онъ
Никогда не кажетъ знаковъ.»
«Помнишь ты, рекла Кесини,
Приходилъ Брагманъ въ Аёдгъю:
Говорилъ онъ предъ тобою
Рѣчь прекрасной Дамаянти:
«Куда ты дѣвался, игрокъ, половинку
Одежды похитивъ у спящей супруги,
Покинувъ супругу въ лѣсу? а казалось,
Ее ты душею любилъ, самъ любимый.
Проснувшись, какъ ты ей велѣлъ, ожидаетъ
Въ лѣсу; сидя плачетъ, палитъ ее солнце
Прикрытую платья лихой половинкой;
Ты сжалься надъ плачемъ, о царь, надъ кручиной!
Яви ты ей милость, отвѣтомъ порадуй!»
Ту пріятную скажи ей
Рѣчь, которую Брагману
Ты сказалъ, великодушный;
Туже самую желаетъ

Рѣчь услышать Дамаянти.»
Лишь окончила Кесини,
Сердце скорбное у Наля
Растерзалось, и блеснули
На его рѣсницахъ слезы.
Скорбь свою земли владыка
Обуздалъ; его же сердце
Жегъ пожаръ любви чрезмѣрной.
Наконецъ отвѣтъ свой прежній
Повторилъ онъ рѣчью тихой,
Прерываемой слезами:
«Благородныя супруги,
Благонравныя, подвергшись
Даже бѣдствіямъ, свою честь
Сберегать умѣютъ сами;
Небо шлетъ имъ, это вѣрно,
Пропитаніе дневное;
Ихъ хотя мужья покинутъ,
Никогда онѣ не станутъ
На мужей своихъ сердиться.
Превосходныя, ведутъ жизнь,
Облекшись въ броню святыя
Добродѣтели и правды.
Всю когда безумный, бѣдный,
Потерялъ свою усладу;
Не сердись она за это,
Что ее въ лѣсу онъ кинулъ.
Онъ безъ пищи, безъ одежды,
Унесли одежду птицы, —

Не сердись она за это,
Что ее въ лѣсу онъ кинулъ.
Онъ изсохъ отъ злой кручины,
Царства, счастія лишился;
Видя мужа въ тяжкой долѣ,
Голодающаго, горемъ
Пораженнаго ужаснымъ,
Позабудь она, что съ нею
Хорошоль онъ, дурноль сдѣлалъ:
Не сердись она за это,
Что въ лѣсу ее онъ кинулъ.»
Говоря Наль эти рѣчи,
Удручаемый печалью,
Застоналъ и слезы градомъ
Изъ его очей лились.
Возвратилася Кесини
Къ Дамаянти, разсказала
Все какъ было: какъ заплакалъ,
Какъ растрогался Вагука,
И какія молвилъ рѣчи.

XXIII ПѢСНЯ.

Слыша это Дамаянти,
Опечалилася сильно,
И тотчасъ узнавши Наля,
Такъ рекла къ своей Кесини:
Ты поди, Кесини, снова,
Все узнай ты отъ Вагуки,

Стань вблизи, храня молчанье;
Наблюдай его поступки.
Чтобы только онъ ни дѣлалъ,
Замѣчай его дѣла всѣ;
Да мѣшать ему старайся!
Спроситъ онъ воды,—ни капли
Не давать: огня попроситъ,
Не давать огня Вагукѣ!
Что замѣтишь, все мнѣ это
Донесешь; а можетъ статься,
Знакъ какой нечеловѣчій
Ты замѣтишь, и объ этомъ
Доложи мнѣ по всей правдѣ.»
И тотчасъ пошла Кесини
По приказу Дамаянти;
И замѣтивши всѣ знаки
У искуснаго возницы,
Возвратилась. Разсказала
Все какъ было, и не скрыла
Сверхъестественныхъ тѣхъ знаковъ,
Что увидѣла недавно.
Онъ святой, рекла Кесини,
И дѣла его святыя;
Никогда я не видала,
Не слыхала, не услышу
О подобномъ человѣкѣ.
Дверь онъ тѣсную встрѣчая,
Головы не наклоняетъ;
Дверь сама, его завидя,

Раздвигается просторно.
Для стола царя Аёдгъи
Бгима царь прислать изволилъ
Мяса разнаго и пищи;
Принесли посуду, чтобы
Сполоснуть ему въ чемъ было.
Та посуда, лишь взглянулъ онъ,
Ужъ сама собой водою
Наполнялась. Сполоснувши
Эту пищу, горсть травы взялъ,
Подержалъ ее онъ къ солнцу,
И огнемъ трава пылала;
Это просто чудо—диво!
Я стояла, и молчала,
Изумленная глядѣла.
Но вотъ дѣло онъ чуднѣе
Совершилъ еще, огонь бралъ
Голою рукою, угли
Загребалъ руками, рукъ же
Чудодѣй своихъ не сжегъ онъ.
А вода,—такъ просто диво,
Нѣтъ ея, кажись, исчезла,
Глядь, опять фонтаномъ льется.
Это жъ чудо, такъ ужъ чудо,
Выше всѣхъ чудесъ. Цвѣты взялъ,
Взялъ цвѣты въ свои онъ руки;
Смялъ ихъ, стеръ, цвѣты же снова
Невредимы появились,
И свѣжи, и благовонны,

Какъ живые въ огородѣ.
Чудеса увидя эти,
Я скорѣй къ тебѣ спѣшила.»
Слыша это, Дамаянти
Убѣдилась еще болѣ,
Что пришелъ Наль, что сбылися
Всѣ ея мечты, желанья.
Признавая мужа Наля,
Въ безобразномъ томъ Вагукѣ,
Вся въ слезахъ, опять Кесини
Мягкимъ голосомъ сказала:
«Ты поди, Кесини, снова,
И возми кусочекъ мяса,
Приготовленный Вагукой;
Да приди назадъ скорѣе!»
И пошла Кесини тотчасъ,
И пришла она къ Вагукѣ,
И дымящійся кусочекъ
Принесла жаркаго Бгайми.
Торопилась возвратиться,
Угодить чтобъ Дамаянти.
Возвратясь въ одно мгновенье,
«Вотъ, сказала, и жаркое!»
Дамаянти, зная прежде
Налевъ вкусъ, и часто ѣвши
Имъ готовленное мясо;
Въ сильной скорби, лишь вкусила,
Лишь отвѣдала жаркаго,
Вся встревожилась, рыдала,

И омывъ лице малютокъ,
Приказала ихъ къ Вагукѣ
Проводить Кесини вѣрной.
Какъ завидѣлъ тотъ Вагука
Индрасену, Индрасена,
Побѣжалъ на встрѣчу быстро,
Обнялъ, жалъ къ груди отцовской.
Красотой цвѣтущихъ видя
На дѣтей боговъ похожихъ,
Съ сердцемъ горестью стѣсненнымъ,
Зарыдалъ онъ горько, горько!
Весь растроганный, опомнясь,
Пересталъ ласкать малютокъ
И сказалъ Кесини:» дѣти,
Эти дѣти очень схожи
На двоихъ моихъ малютокъ;
Я по этому невольно,
Ихъ увидя, и заплакалъ.
Но ты къ намъ ужъ слишкомъ часто
Ходишь, люди станутъ дѣлать
Заключенія обидны;
Для тебя лишь это горе!
Мы же гости, мы по свѣту
Странствуемъ. Поди, Кесини,
Куда хочешь! Богъ съ тобою!

XXIV ПѢСНЯ.

Видя, какъ былъ весь растроганъ
Пунъяслёка, царь разумный,

Тотчасъ съ вѣстью къ Дамаянти
Торопилася Кесини.
Дамаянти же печалью
Удрученная, желая
Видѣтъ Наля, приказала
Ей отправиться къ царицѣ:
«Ты тотчасъ скажи царицѣ,
Былъ наказъ отъ Дамаянти,
Что старалась я Вагуку
Разузнать, подозрѣвая
Наля въ немъ; теперь сомнѣнье
Лишь на счетъ его осанки
Безобразной. Безпокоюсь
Видомъ лишь Вагуки внѣшнимъ.
Ты скажи, сама что лично
Разузнать хочу Вагуку.
Пусть царица мать устроитъ,
Чтобъ ко мнѣ пришелъ Вагука;
Или ты меня Кесини
Отведи къ нему. Какъ знаетъ,
Пусть царица мать уладитъ!
Хоть пускай объ этомъ скажетъ
Моему отцу; не хочетъ,
И не нужно!» Мать царица
Слыша то, тотчасъ все Бгимѣ
Слово въ слово доложила
О рѣшеньи Дамаянти:
Бгима былъ на все согласенъ.
Дамаянти, получивши

Отъ родителей согласье,
Въ тѣ его ввела покои,
Гдѣ сама жила въ то время.
Какъ узрѣлъ ее Найшадга,
Опечалился, безгласенъ·
Отъ тяжелой грусти сталъ онъ,
Залился слезами. Бгайми,
При такомъ свиданьи съ мужемъ,
И сама терзалась скорбью.
Въ черной мантіи царица,
Волоса же въ безпорядкѣ,
Вся въ грязи, въ пыли печальной,
Такъ къ Вагукѣ говорила:
«Былъ ли кто нибудь тобою
Встрѣченъ въ этой жизни нашей,
Зная долгъ свой, чтобъ въ лѣсу онъ
Спящую жену покинулъ?
А она грѣховъ не знала,
Онъ ее любилъ такъ страстно;
А теперь въ пустынѣ бросилъ
Утомленную. Кто жъ бросить
Могъ ее, кромѣ Найшадги?
Да какую жъ причинила
Я ему обиду съ дѣтства,
Что въ лѣсу меня онъ бросилъ?
Я его предъ цѣлымъ свѣтомъ
Предпочла богамъ всесильнымъ;
Онъ же преданную бросилъ,
Кинулъ любящую страстно,

Да еще и мать его же
Индрасена, Индрасены,
Собственныхъ дѣтей. Онъ руку
Надъ святымъ огнемъ простерши,
При богахъ мнѣ обѣщался:
«Я съ тобой на вѣки буду!»
Онъ сказалъ; куда жъ ушелъ онъ?»
Дамаянти говорила,
Слезы жъ горькія потокомъ
Изъ ея очей лилися:
Скорбь точила эти слезы!
И отъ плача покраснѣли
Уголь углемъ черны очи.
Глядя Наль на скорбь такую,
Рекъ къ истерзанной печалью:
«Что утратилъ я Нишадгу,
Право, въ томъ не я виновенъ;
Въ томъ виновенъ Кали злобный!
И тебя что я покинулъ,
Онъ виновенъ. Ты въ несчастьи,
По лѣсамъ одна блуждая,
Удрученная, тоскуя
Обо мнѣ и днемъ и ночью,
Прокляла его. Сраженный
За вину свою проклятьемъ,
Сожигаемый проклятьемъ,
Жилъ съ тѣхъ поръ въ моемъ онъ тѣлѣ
Какъ огонь въ огнѣ, сгорая
Безпрестанно. Напослѣдокъ

Побѣжденъ моимъ усердьемъ,
Самоотверженьемъ Кали!
Все же это такъ случилось,
Чтобъ насталъ конецъ скорѣе
Нашимъ горестямъ и мукѣ.
Кали злой, меня оставивъ,
Удалился во свояси;
Я жъ сюда, о Дамаянти!
По твоей пришелъ причинѣ,
Никакихъ дѣлъ не имѣя.
Я подумалъ: дай увижу,
Какъ оставивши супруга,
Преданнаго всей душею,
Любящаго безпредѣльно,
Эта женщина, бывало,
Столько скромная, другаго
Избирать супруга станетъ?
Слышу,—по свѣту брагманы,
Ходятъ, вѣстники повсюду
Возвѣщаютъ: «Дамаянти,
Доброй волею, свободно,
Мужа по сердцу другаго
И приличнаго царевнѣ,
Будетъ выбирать!» кличъ этотъ
Ритупарна царь услышалъ,
И спѣшилъ въ Видарбгу городъ.»
Дамаянти на тѣ вопли,
На тѣ жалобы Найшадги,
Робкая, сложивши руки,

Вся дрожа въ отвѣтъ сказала:
«Мой избранникъ, предпочтенный
Всѣмъ богамъ, о царь Нишадги!
Не клейми меня, отмѣнный,
Подозрѣніемъ жестокимъ.
Я Брагмановъ разослала
Къ десяти концамъ вселенной,
Говорить ихъ научила,
Чтобъ тебя привлечь въ Видарбгу.
Наконецъ тебя Парнада,
Нашъ Брагманъ разумный встрѣтилъ
Въ царскомъ домѣ Ритупарны.
Онъ тебѣ мои же рѣчи
Говорилъ, и ты отвѣтилъ.
Въ томъ твоемъ отвѣтѣ, Налясъ,
Что то я подозрѣвая,
И задумала ту хитрость,
Чтобъ привлечь тебя въ Видарбгу.
Говорить я имъ велѣла:
«Послѣ завтра выборъ будетъ!»
Знала, что никто на свѣтѣ,
Пятиста миль не проѣдетъ
Въ день одинъ, кромѣ Найшадги.
Я коснусь твоихъ ногъ смѣло,
Говоря тебѣ все это
Отъ души, нелицемѣрно,
Безъ обмана даже въ мысляхъ.
Въ этомъ мірѣ вѣтеръ ходитъ,
Онъ живыхъ существъ свидѣтель;

Если лгу, пускай задуетъ
Жизнь мою онъ. Солнце ходитъ
Постоянно въ поднебесьи,
Если лгу, пускай мою жизнь
Изсушитъ оно въ мгновенье.
Зоркій мѣсяцъ, какъ свидѣтель,
Посреди созданій ходитъ,
Если лгу, пусть тотъ же мѣсяцъ
Въ гнѣвѣ жизнь мою потушитъ.
Эти боги все трехмирье
Вѣдь поддерживаютъ свято;
Пусть они вѣщаютъ правду!
Если лгу, меня сегодня жъ
Пусть отвергнутъ и накажутъ.»
Въ это время вѣтеръ бурный,
Во свидѣтели царевной
Съ неба призванный къ Найшадгѣ,
Такъ провѣялъ громогласно:
«Наль, тебѣ вѣщаю правду,
Негрѣшна твоя супруга!
Кладъ ея святыя чести
Цѣлъ, никѣмъ онъ не былъ тронутъ,
Сторожимъ онъ былъ отлично.
Года три, я, солнце, мѣсяцъ
Кладъ твой вѣрно сторожили!
Для тебя же Дамаянти
Эту выдумала хитрость,
Коей равной не отыщешь.
Да и сверхъ тебя, Найшадга,

Въ день одинъ никто, конечно,
Пятиста миль не проѣдетъ.
Ты теперь предъ Дамаянти,
Дамаянти предъ тобою;
Такъ оставь же всѣ сомнѣнья,
И сойдись съ твоей женою!»
Вѣтеръ вѣялъ эти рѣчи,
А цвѣты дождемъ обильнымъ
Съ неба падали на землю;
И небесные тимпаны
Оглашали поднебесье,
И зефиръ повѣялъ теплый.
Чудеса увидя эти,
Наль оставилъ подозрѣнье,
Вспомнилъ вдругъ о Каркотакѣ
И въ безпыльную одежду
Облачился, и въ мгновенье
Въ прежнемъ образѣ явился.
Дамаянти, какъ узрѣла
Наля Налемъ, закричала
Громко и въ свои объятья
Заключила Пунъяслеку.
Наль, сіяя прежнимъ блескомъ,
Обнималъ свою супругу,
Цѣловалъ своихъ малютокъ.
Дамаянти жъ,—коей очи
Длинными бровей дугами
Осѣнялись, неземная
Красота, прижавши Наля

Къ сердцу своему, въ избыткѣ
Счастья, послѣ той печали,
Глубоко вздыхала, слезы
Проливала въ умиленьи.
Онъ же—съ ясною улыбкой,
Съ грустью о прошедшей скорби,
Не смотря на то, что тѣло
Дамаянти пыль покрыла,
Грязь покрыла, скорбь убила,
Обнималъ ее сердечно,
Долго въ сладостномъ забвеньи.
Наконецъ царица матерь
Все, какъ было, разсказала
О Найшадгѣ, Дамаянти,
Бгимѣ; а на это Бгима,
Царь великій, такъ отвѣтилъ:
Послѣ этой сладкой ночи,
Какъ свершится очищенье,
Я намѣренъ вмѣстѣ съ Налемъ
Видѣть дочь мою Видарбгью.»
Такимъ образомъ Найшадга
Вмѣстѣ съ милой Дамаянти
Ночь блаженную прожили.
Тутъ другъ другу разсказали:
Какъ они въ лѣсу скитались,
Что видали, что терпѣли.
А потомъ въ чертогахъ Бгимы,
Ненаглядные другъ другу,
Жили весело. Найшадга

На четвертый годъ съ женою
Съединился; всѣ желанья,
Всѣ мечты его сбылися:»
Онъ блаженствовалъ. Видарбгъя
Съединившися съ супругомъ,
Также ожила, казалось,
Выросла, помолодѣла:
Такъ земля, когда деревья
Отцвѣли, и плодъ не скрѣпнулъ,
Въ ризѣ праздничной сіяетъ,
Если дождь ее въ засуху
Освѣжитъ росой обильной,
Дамаянти, съ милымъ мужемъ
Съединившись, позабыла
Утомленіе, несчастья;
Получивши всѣ желанья,
Духъ ея сіялъ весельемъ:
Такъ и ночь свѣтло сіяетъ
Лишь луна взойдетъ на небо.

XXV ПѢСНЯ.

Наль съ прекрасной Дамаянти,
Послѣ той пріятной ночи,
Красотой, предсталъ, сіяя,
Предъ глаза царя Вадарбги.
Онъ привѣтствовалъ съ почтеньемъ
Тестя, то же Дамаянти
Предъ отцомъ благоговѣйно
Поклонилася, блистая

Красотою. Бгима Наля
Встрѣтилъ, какъ роднаго сына,
Съ радостью, почтилъ привѣтомъ;
Утѣшалъ потомъ Видарбгью
Вѣрную его супругу.
Наль Владыка, по закону
Удостоенный почета,
Выразилъ повиновенье
Бгимѣ, какъ прилично было.
Вся Видарбга загремѣла
Радостью, какъ услыхала,
Что Найшадга возвратился.
Всѣ дома въ вѣнкахъ, цвѣтами
Запестрѣли, и знамена
Развѣвалися повсюду.
Орошенныя водою,
Стогны всѣ въ цвѣтахъ блистали
И въ красѣ разнообразной;
Весь народъ столпился, словно
Маковъ цвѣтъ въ саду роскошномъ,
У воротъ чертоговъ царскихъ.
Алтари боговъ курились
Благовоннымъ ѳиміамомъ.
Вѣсть достигла Ритупарны,
Что Вагука былъ Найшадга,
Что онъ въ Наля обратился,
Что опять онъ съ Дамаянти:
Радъ былъ очень Ритупарна.
Пригласилъ его Найшадга;

Онъ пришелъ и Наль учтиво
Предъ владыкой извинялся;
И разумный Ритупарна
Извинялся передъ Налемъ
Гостемъ ужъ въ чертогахъ Наля,
Съ изумленіямъ во взорахъ,
Онъ привѣтствовалъ Найшадгу:
«Что за счастье, о Найшадга!
Ты опять съ женой сошелся.
Не обидѣлъ ли тебя я
Какъ нибудь, о царь великій,
Въ дни, когда въ моихъ палатахъ
Жилъ ты въ видѣ безобразномъ?
Ты прости, когда что — либо
Сдѣлалъ я, чего бы вовсе
Не пристало было дѣлать;
Съ умысломъ ли это было,
Иль безъ умысла дурнаго.»
«Ни малѣйшей ты обиды
Не нанесъ мнѣ, рекъ Найшадга;
Еслибъ даже и обидѣлъ,
Я бъ за это не сердился:
Все тебѣ простить мнѣ должно.
Вѣдь и прежде царь Аёдгьи
Былъ моимъ всегдашнимъ другомъ,
Близкимъ къ сердцу, и отнынѣ
Будь моею ты отрадой.
У тебя я, Ритупарна!
Жилъ пріятно, все устроивъ

Такъ, какъ самъ хотѣлъ; не хуже,
Какъ бы въ собственныхъ чертогахъ.
А искусство колесницей
Управлять—твое искусство!
Хоть оно во мнѣ покамѣстъ,
Если жъ только ты желаешь,
Отдаю рукой и словомъ.»
Такъ сказалъ Наль къ Ритупарнѣ
И искусство колесницей
Управлять ему онъ отдалъ.
Ритупарна при обрядѣ,
Совершенномъ всенародно,
Принялъ то искусство Наля.
Получивъ его, владыка
Бгангасура взялъ другаго
Для себя возницу тутъ же,
И отправился въ Аёдгъю;
По отъѣздѣ жъ Ритупарны,
Наль не долго жилъ въ Видарбгѣ.

XXVI ПѢСНЯ.

Онъ гостилъ въ Видарбгѣ мѣсяцъ,
И съ царемъ простившись Бгимой,
Взявъ слугъ нѣсколько, уѣхалъ
Въ стольный городъ свой, Нишадгу.
На блестящей колесницѣ
Ѣхалъ онъ. Слоновъ шестьнадцать,
Пятьдесятъ коней ретивыхъ,

И шестьсотъ людей пѣхоты
Провожали властелина.
Царь земли летѣлъ, не ѣхалъ,
Вся земля подъ нимъ дрожала,
Молньей пролетѣлъ и въ городъ
Въѣхалъ свой, пылая гнѣвомъ.
Сынъ могучій Вирасены
Грозно сталъ передъ Пушкарой,
И сказалъ ему: «Пушкара!
Ну, давай еще съиграемъ!
Приобрѣлъ богатствъ я много.
И богатства тѣ я ставлю,
И красу женъ, Дамаянти,
Все, что только ни имѣю,
Ставлю разомъ все на кости;
Ты жъ поставь твое все царство!
Мой совѣтъ, Пушкара, вѣрный:
Вновь играть! Въ игрѣ лишь только
Все твое спасенье нынѣ.
И на жизнь играешь даже!
Ты законъ игры вѣдь знаешь:
Тотъ, кто выигралъ что либо
Царство, иль богатство, долженъ
Вновь играть безъ отговорокъ,
Если будетъ вызванъ снова.
А играть не хочешь въ кости,
Въ мечь съиграемъ! онъ насъ скоро
Примиритъ въ единоборствѣ.
Царство есть наслѣдье предковъ!

Всячески и всякимъ средствомъ
Возвратить его должны мы:
Такъ отцы намъ завѣщали.
На одно изъ двухъ рѣшайся:
Иль отвѣдай счастья въ кости,
Иль сразись мечемъ булатнымъ.
Убѣжденный царь Пушкара
Напередъ въ побѣдѣ вѣрной,
Отвѣчалъ на этотъ вызовъ,
Разсмѣявшися, Найшадгѣ:
«О блаженство! какъ я счастливъ!
Для игры вторичной въ кости
Приобрѣлъ богатствъ ты много.
Подвигъ трудный на счетъ Бгайми
Все жъ къ концу приходить нынѣ.
О блаженство! ты въ живыхъ, царь!
Мощный царь! съ женой ты нынѣ!
Дамаянти тѣмъ богатствомъ,
Пріобрѣтеннымъ тобою,
Днесь украсится, и станетъ
Возлѣ сильнаго Пушкары:
Такъ стоитъ Апсара 102) рядомъ
Въ небесахъ съ могучимъ Индрой.
О тебѣ, о мой Найшадга!
Я всегда воспоминаю;
Даже ждалъ тебя всечасно!

---

102) Апсарасъ, нимфы, рожденныя изъ моря, волнуемаго богами и Асурами для полученія Амриты. К. К. Апъ, вода и сри идти; ср. 66.

Не люблю играть съ толпою
Тѣхъ людей, къ которымъ сердце
Не лежитъ мое. Сегодня,
Выигравъ твою Видарбгъю,
Я вполнѣ доволенъ буду;
Ибо вѣчно въ моемъ сердцѣ
Образъ дивной Дамаянти.»
Болтовню услыша эту
Многословную Пушкары,
Рѣчь безумную услыша,
Наль хотѣлъ сначала въ гнѣвѣ
Отрубить главу безумца;
Удержался жъ. Очи Наля
Налились отъ злости кровью;
Улыбнулся онъ съ презрѣньемъ,
И Пушкарѣ такъ отвѣтилъ:
«Полно врать! Хвастунъ, играемъ!
Проиграешь и уймешься!»
Начали игру владыки,
Кости брошены, и что же?
Въ мигъ одинъ, однимъ ударомъ
Побѣдилъ Пушкару Налясъ.
Кучи золота и камней,
Кучи жемчуга и царство
Разомъ выигралъ Найшадга.
Царь Пушкара горячился,
И себя на кости ставилъ;
Что же? И царя Пушкару
Разомъ выигралъ Найшадга.

Отыгравшись совершенно,
Засмѣялся побѣдитель
И къ Пушкарѣ рекъ: «мое все
Это царство безъ раздѣла;
Не смутитъ моей Нишадги
Ужъ никто; враги Нишадги
Сражены; а Дамаянти
Не видать тебѣ, презрѣнный!
Наравнѣ съ ея рабами
Ты стоишь; отнынѣ долженъ
Ты служить ей, о безумный!
Это не твоимъ искусствомъ
Побѣжденъ я былъ тобою;
Это Кали все надѣлалъ:
Ты того не понимаешь!
О безумный! не хочу я
На тебя сердиться вовсе:
Ты орудье былъ чужое!
Жизнь тебѣ дарю, Пушкара!
Ты живи, о братъ, какъ хочешь;
Возвращаю состоянье
И удѣлъ тебѣ отцовскій.
Будь увѣренъ, что душевно
Я тебя люблю, Пушкара!
И моя къ тебѣ та дружба
Не измѣнится во вѣки.
Ахъ! Пушкара! ты вѣдь братъ мой!
Ты живи лѣтъ сто на свѣтѣ.»
Такъ — то Наль великодушный

Своего утѣшилъ брата;
Обнялъ онъ его, прощаясь,
И послалъ въ удѣлъ отцовскій.
Тотъ, сложа покорно руки,
Поклонился передъ братомъ,
И обласканъ, успокоенъ
Отвѣчалъ ему: «Найшадга!
Славенъ будь всегда! живи, братъ,
Десять тысячъ лѣтъ на свѣтѣ
Весело, благополучно!
Ты, который подарилъ мнѣ
Жизнь и мой удѣлъ отцовскій.»
Послѣ этого Пушкара,
Угощаемый Найшадгой,
Прожилъ мѣсяцъ лишь въ Нишадгѣ,
И уѣхалъ въ градъ отцовскій,
Веселъ и покоенъ духомъ.
Провожали же Пушкару
Рать большая и родные,
И толпа рабовъ покорныхъ.
Ѣхалъ онъ, — въ его жъ осанкѣ
Блескъ сіялъ. Блисталъ владыка,
Словно солнце золотое.
Невредимаго, съ богатствомъ
Проводивъ Пушкару, Налясъ
Въ городъ свой прекрасный въѣхалъ
Съ ликомъ свѣтлымъ отъ блаженства.
Повелитель Нишадгійцевъ,
Возвратясь въ наслѣдье предковъ,

Утѣшать сталъ вѣрныхъ гражданъ.
Тѣ же всѣ и поселяне,
Что изъ селъ навстрѣчу вышли,
И совѣтники Нишадги
Именитые — въ восторгѣ,
Сложа руки, восклицали:
«Мы всѣ счастливы сегодня
Въ городѣ и въ селахъ нашихъ!
Мы стеклися отовсюду,
Чтобъ почтить тебя, какъ боги
Почитаютъ Сатакрату!» 103)
Усмиривши Наль Пушкару
Безъ обиды, такъ что радъ былъ
Самъ Пушкара, и съ народомъ
День отпраздновавъ возврата,
За Видарбгіей большую
Рать послалъ,—и Дамаянти
Возвратилася въ Нишадгу.
Бгима, царь великодушный,
Властелинъ могучій, страшный,
Смерть врагамъ своимъ лукавымъ,
А отецъ Видарбгьи нѣжный,
Отпустилъ ее въ Нишадгу,
Надѣливши благостыней:
Какъ явилась Дамаянти,
Какъ пріѣхали малютки,
Наль былъ веселъ такъ, какъ Индра,

---

103) Сатакрату, имя Индры, собств. стожертвенный. Кк. Сата, сто и Крату, жертва, жертвоприношенье.

Царь боговъ въ саду Нанданѣ; 104)
А потомъ себя прославя
Межъ царей во Джамбудвипѣ, 105)
Возвративъ наслѣдье предковъ,
Правилъ имъ съ великой славой.
Много жертвоприношеній
Совершилъ онъ по закону,
Не щадя даровъ богатыхъ
Для боговъ и для Брагмановъ.

---

104) Имя увеселительныхъ садовъ Индры. К. Нандъ, увеселять, радоваться.

105) Джамбудвипа, т. ч. Индія. К. К. Джамбу, дерево Джамбу, the pose apple, Eudenia Zambu, Urbs и Двипа (два два, апа, вода) островъ, полуостровъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стран.
ПѢСНЬ I.	Наль и Дамаянти. Ихъ первое знакомство посредствомъ гусей.....	9—16
ПѢСНЬ II.	Дамаянти толкуетъ о Налѣ. Бгима возвѣщаетъ повсюду о выборѣ мужа Дамаянти. Индра, Агни, Варуна и Яма отправляются въ Видарбгу, чтобы участвовать въ этомъ выборѣ.	16—22
ПѢСНЬ III.	Посольство Наля къ Дамаянти отъ Боговъ.....	22—28
ПѢСНЬ IV.	Рѣшеніе и отвѣтъ Дамаянти. Наль объявляетъ его богамъ.....	28—35
ПѢСНЬ V.	Съѣздъ царей и боговъ. Дамаянти выбираетъ Наля въ супруги.....	35—47
ПѢСНЬ VI.	Козни Кали и Двапары противъ Наля.....	3— 6
ПѢСНЬ VII.	Кали вселяется въ Наля. Наущеніемъ Кали Пушкара вызываетъ на игру въ кости Наля. Начинается неудачная для Наля игра.....	6— 9
ПѢСНЬ VIII.	Наль проигрываетъ все и Дамаянти отсылаетъ своихъ дѣтей къ отцу Бгимы съ Варшнеей.....	9—14
ПѢСНЬ IX.	Наль проигравши свое царство, оставляетъ свою столицу Нишадгу и скитается съ Дамаянти по пусты-	

		Стран.
	нямъ. Птицы. Совѣтъ Наля. Совѣтъ Дамаянти.....	14—20
ПѢСНЬ X.	Наль оставляетъ спящую въ лѣсу Дамаянти.....	20—26
ПѢСНЬ XI.	Отчаянье Дамаянти. Змѣй. Встрѣча съ охотникомъ и его наказаніе.....	26—34
ПѢСНЬ XII.	Дамаянта скитается по пустыннымъ лѣсамъ. Анахореты. Караванъ.	34—60
ПѢСНЬ XIII.	Дамаянти присоединяется къ каравану. Бѣдствіе каравана. Новая опасность для Дамаянти. Приходъ Дамаянти въ Чеди.....	60—74
ПѢСНЬ XIV.	Странствованья Наля. Змѣй Каркотака. Превращенье Наля въ Вагуку.....	7—11
ПѢСНЬ XV.	Наль въ образѣ Вагуки нанимается возницей у Ритупарны. Джевала и Варшнея. Рѣчи ихъ съ неузнаннымъ Налемъ.....	11—15
ПѢСНЬ XVI.	Бгима приказываетъ отыскивать по всюду дочь свою Дамаянти. Брагманъ Судева открываетъ ее въ Чеди.	15—23
ПѢСНЬ XVII.	Судева разсказываетъ судьбу Дамаянти. Дамаянти возвращается въ Видарбгу. Дамаянти посылаетъ Брагмановъ отыскивать Наля.....	23—31
ПѢСНЬ XVIII.	Брагманъ Парнада открываетъ Вагуку. Бесѣда его съ Налемъ. Донесеніе Дамаянти. Дамаянти посылаетъ опять Судеву въ Аёдгъю, къ Ритупарнѣ, желая привлечь въ Видарбгу вмѣстѣ съ царемъ и подозрѣваемаго Вагуку.....	31—36
ПѢСНЬ XIX	Отъѣздъ Ритупарны. Раздумье Варшнеи.....	36—42
ПѢСНЬ XX.	Путешествіе Ритупарны. Наль получилъ знаніе отъ него игры въ кости. Кали оставляетъ тѣло Наля.	42—49

ПѢСНЬ XXI. Пріѣздъ Ритупарны съ Вагукою въ Видарбгу..... Стран. 49—55

ПѢСНЬ XXII. Дамаянти посылаетъ свою вѣрную Кесини разузнать Вагуку. Бесѣды Кесини съ Вагукою..... 55—60

ПѢСНЬ XXIII. Вторичное свиданіе Кесини съ Вагукою. Признаки Наля въ чудесахъ Вагуки. Дамаянти убѣждается въ присутствіи Наля. Третье свиданіе Кесини съ Вагукой..... 60—64

ПѢСНЬ XXIV. Свиданіе Наля съ Дамаянти. Взаимные ихъ упреки и примиреніе. Наль получаетъ свой образъ прежній..... ..... 64—73

ПѢСНЬ XXV. Торжество въ Видарбгѣ по случаю возвращенья Наля. Отъѣздъ Ритупарны..... 73—76

ПѢСНЬ XXVI. Возвращеніе Наля во Видарбгу. Игра въ кости съ Пушкарой. Торжество Наля. Прощеніе Пушкарѣ. Возвращеніе въ Нишадгу Дамаянти. 76—83

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГОС. БИБЛИОТЕКА
ИНОСТРАННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ